УДК 343:340.130.53

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2019-1/143-156

А. И. Рарог¹

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина
(МГЮА), Москва, Россия

E-mail: alek.rarog@yandex.ru

**ОШИБКИ ЗАКОНОДАТЕЛЯ И ИХ ВЛИЯНИЕ
НА УГОЛОВНО-ПРАВОВУЮ ПОЛИТИКУ РОССИИ**

Аннотация. Статья представляет собой анализ различного рода ошибок законодателя в сфере уголовного права: пробелов, противоречий и технических ошибок. Автор отмечает, что ошибки законодателя имеют место и в общей и в особенной частях Уголовного кодекса России. Ошибочные законотворческие решения встречаются и в основных составах преступлений, и в формулировании квалифицирующих признаков. Одним из таких решений представляется изобретение норм, в которых значение самостоятельного преступления придаётся соучастию в других преступлениях, которые законом уже предусмотрены. Другим видом законодательных ошибок является непродуманное включение квалифицирующих признаков. К числу законотворческих ошибок относится также нарушение системности в формулировках примечаний к статьям Уголовного кодекса. Наиболее распространены законотворческие ошибки в санкциях норм Особенной части УК РФ, некоторые из таких ошибок носят уголовно-политический характер. Самой распространенной системной ошибкой в санкциях является недопустимое установление наказания в виде принудительных работ либо установление недопустимых размеров этого наказания. Наряду с уголовно-политическими и системными ошибками в санкциях встречаются и технические ошибки, т.е. откровенные «ляпы». Конституция Российской Федерации не предоставляет ни одному органу власти права давать официальное толкование закона, а разъяснения Верховного Суда по вопросам судебной

¹ Рарог Алексей Иванович, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, МГЮА, Москва, Россия.

Для цитирования: Рарог А. И. Ошибки законодателя и их влияние на уголовно-правовую политику России // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2019. № 1. С. 143–156.

практики лишила свойства руководящих. Поэтому сомнения относительно смысла той или иной нормы, которые возникают довольно часто, не могут быть разрешены ни на одном официальном уровне, что приводит к разногласиям в теории права и к отсутствию единообразия в практическом применении закона.

Ключевые слова: ошибка в праве, ошибка законодателя, ошибка правоприменения, пробел в праве, уголовное право, уголовно-правовая политика, квалифицированные составы преступлений, санкции уголовно-правовых норм, уголовный кодекс, Верховный Суд, правовая позиция.

Alexey I. Rarog¹

Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian

E-mail: alek.rarog@yandex.ru

LEGISLATOR'S MISTAKES AND THEIR IMPACT ON RUSSIAN CRIMINAL POLICY

Abstract. The article provides an analysis of various kinds of legislative mistakes in the field of criminal law: legal gaps, contradictions and technical errors. The author notes that the mistakes of the legislator occur both in General and Special parts of the Criminal Code of Russia. Erroneous legislative decisions are also found in the basic elements of crimes and in the formulation of aggravating circumstances. One of such mistakes is the invention of the norms where a complicity in crime is qualified as an independent crime even though it is already provided by law. Another type of a legislative mistake is the ill-considered inclusion of qualifying features (aggravating circumstances). Legislative mistakes also include a violation of consistency in the wording of notes to the articles of the Criminal Code. The most common legislative mistakes are found in the sanctions of legal norms of the Special Part of the Criminal Code. Some of these errors are politically motivated. The most common systemic error in penal provisions is imposition of punishment in the form of forced labor or establishment of unacceptable levels of this punishment. Along with numerous errors in the sanctions, there are also technical errors, i.e. actual "bloopers". However, the Constitution of the Russian Federation does not empower any official body with the right to give a mandatory interpretation of the law. Interpretations of the Supreme Court on judicial practice are not mandatory. Therefore, doubts about the meaning of a particular norm, which arise quite often, cannot be resolved at any official

¹ Alexey I. Rarog, Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law, MSAL, Moscow, Russia.
For citing: Rarog Alexander I. Legislator's mistakes and their impact on Russian criminal policy // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2019. № 1. P. 143–156.

level, which leads to discrepancies in the theory of law and to the lack of uniformity in the practical application of the law.

Keywords: lawmaker's mistake, law enforcement mistake, gap in law, criminal law, criminal law policy, qualified offenses, penalties for criminal law, Criminal Code, Supreme Court, legal position.

Ошибка в праве – понятие многогранное. Оно включает и субъективную ошибку (неверные представления субъекта преступления о юридических или фактических свойствах совершаемого деяния), и судебную ошибку (неправильное установление или неправильная оценка фактических обстоятельств дела), и ошибку правоприменения (стихийно или по указанию вышестоящих судебных органов сложившаяся практика неправильного применения уголовно-правовой нормы), и ошибку законодателя (пробелы, противоречия и технические ошибки). Последняя из названных видов ошибки в праве является самой опасной и поэтому недопустимой. Тем не менее, законотворческих ошибок можно найти немало и в Общей, и в Особенной частях УК РФ. Некоторые из них были заложены в УК РФ изначально.

Например, в п. «б» ч. 1 ст. 58 остались без внимания мужчины, осуждённые к лишению свободы за тяжкое преступление, а в п. «в» той же нормы – мужчины, осуждённые к лишению свободы за особо тяжкое преступление, если ранее они отбывали лишение свободы, но это не породило рецидива преступлений. Пробел сохраняется до сих пор.

Другой пример. В ч. 3 ст. 81 УК предусмотрено обязательное освобождение от отбывания наказания военнослужащими, отбывающими арест либо содержание в дисциплинарной воинской части, в случае заболевания, делающего их негодными к военной службе. Однако при таком заболевании становится невозможным исполнение и наказания в виде ограничения по военной службе. Тем не менее эта ситуация оказалась вне внимания законодателя. Этот пробел восполнен уголовно-исполнительным законодательством (ч. 1 ст. 174 УИК РФ), но в Уголовном кодексе РФ он сохраняется и сегодня.

Другие ошибки выявились в результате несоответствия первоначального и актуального текста уголовного закона.

Так, первоначально обязательные работы в случае злостного уклонения от их отбывания суд мог заменить ограничением свободы или арестом (закон от 08.12.2003 № 1262-ФЗ добавил к ним – и лишением свободы), а исправительные работы – ограничением свободы, арестом или лишением свободы. Этому соответствовало положение о том, что в случае замены обязательных работ или исправительных работ арестом его срок может быть и менее одного месяца (ч. 2 ст. 54 УК). Но, согласно закону от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ, и обязательные работы, и ис-

правительные работы в случае злостного уклонения от их отбывания могут быть заменены только принудительными работами или лишением свободы. Тем не менее, в ст. 54 УК сохраняется положение о том, что срок ареста в случае его назначения взамен обязательных работ или исправительных работ может быть и менее одного месяца. И эта ошибка продолжается уже 8 лет.

Статья 80 УК предоставляет суду право заменить неотбытую часть наказания более мягким видом. Первоначально это относилось только к лицам, отбывающим лишение свободы, и только за преступления небольшой и средней тяжести. Второе условие было исключено законом от 09.01.2001 № 25-ФЗ с уточнением, что замена наказания более мягким возможна *после фактического отбытия осужденным к лишению свободы* определённой части наказания. Закон от 08.12.2003 № 162 распространил действие ст. 80 УК на осуждённых к ограничению свободы и содержанию в дисциплинарной воинской части (законами от 27.12.2009 № 377-ФЗ и от 07.12.2011 № 420-ФЗ упоминание о лицах, отбывающих ограничение свободы, было заменено указанием на лиц, отбывающих принудительные работы). Но во второй части этой нормы отбытие определённой части назначенного наказания как необходимое условие замены наказания более мягким по-прежнему связывалось только с лишением свободы, оставляя открытым вопрос, какую же часть наказания обязан отбыть осуждённый к принудительным работам или к содержанию в дисциплинарной воинской части. Хотя этот пробел не раз отмечался в юридической литературе [см., например: 4, с. 177; 10, с. 67], он просуществовал 15 лет и был ликвидирован только законом от 27.12.2018 № 540-ФЗ.

Различного рода законодательные ошибки встречаются и в нормах Особенной части УК РФ.

Федеральный закон от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ установил уголовную ответственность за злостное уклонение от отбывания ограничения свободы (ч. 1 ст. 314 УК). С учётом того, что злостное уклонение от отбывания ограничения свободы, назначенного в качестве основного вида наказания, влечёт замену его неотбытой части принудительными работами или лишением свободы из расчёта два дня ограничения свободы за один день принудительных работ или лишения свободы (ч. 5 ст. 53 УК), в примечании к ст. 314 УК разъясняется, что уголовная ответственность наступает за злостное уклонение от отбывания наказания в виде ограничения свободы, назначенного только в качестве дополнительного наказания. Таким образом, последствия уклонения от отбывания наказания в виде ограничения свободы, назначенного в одном из двух возможных качеств, принципиально различаются. Уклонение от отбывания основного наказания влечёт его замену более строгим наказанием (принудительными работами либо лишением свободы), а уклонение от отбывания дополнительного наказания объявляется самостоятельным преступлением со всеми вытекающими из этого последствиями. Здесь налицо явное нарушение

логики в оценке уклонения от отбывания ограничения свободы как основного, так и дополнительного наказания. Алогичность законодательного решения становится ещё очевиднее, если сравнить установленные законом сроки применения более строгого наказания.

Допустим, лицо осуждено к одному году ограничения свободы. В случае злостного уклонения от его отбывания ограничение свободы может быть заменено принудительными работами или лишением свободы максимум на 6 месяцев. А если то же наказание было назначено в качестве дополнительного, то при злостном уклонении от его отбывания максимальное наказание по ст. 314 УК может составить 1 год лишения свободы. Получается, что законодатель оценивает уклонение от отбывания основного наказания как менее опасное правонарушение, чем уклонение от отбывания дополнительного наказания. Позиция выглядит странной и, видимо, нуждается в корректировке, тем более что злостное уклонение от отбывания штрафа или иных видов наказания, назначенных в качестве дополнительных, законодателем вообще не рассматривается в качестве преступления.

Ошибочные законотворческие решения встречаются и в основных составах преступлений, и в формулировании квалифицирующих признаков.

Одним из таких решений представляется изобретение норм, в которых значение самостоятельного преступления придается соучастию в других преступлениях, которые законом уже предусмотрены. Яркой иллюстрацией этому служит ст. 205¹ УК, введенная законом от 24.07.2002 г. № 103-ФЗ и после этого неоднократно реконструированная. Установление уголовной ответственности за пособничество в совершении террористического акта само по себе несколько не расширило сферу уголовной ответственности, поскольку и до этого она обеспечивалась институтом соучастия, поэтому ч. 3 ст. 205¹ УК «не имеет под собой криминологической основы, поскольку противодействие соответствующему деянию было не менее и, пожалуй, более эффективным и без соответствующего дополнения Особенной части УК РФ за счёт применения института соучастия в преступлении...» [2, с. 288; см. также: 6, с. 106; 9]. Она не согласуется с общим учением о соучастии и порождает немало правоприменительных проблем.

Во-первых, в её названии используется термин «содействие», применяемый обычно для характеристики пособничества», хотя фактически она предусматривает все виды соучастия помимо исполнительства.

Во-вторых, невозможно теоретически обосновать повышенную опасность пособничества совершению террористического акта (наказание от 10 до 20 лет лишения свободы) по сравнению с исполнением этого преступления (от 8 до 15 лет). И в дореволюционном российском [1, с. 511], и в советском [3, с. 169; 14, с. 95; 17, с. 23] уголовном праве пособничество рассматривалось как наименее опасная разновидность соучастия. Более снисходительное отношение к пособнику в сравнении с

организатором и подстрекателем закреплено в российском УК (ч. 4 ст. 31) и явно выражено Верховным Судом РФ в определении по делу Дюльдина [см.: 7].

Правда, в отечественном законодательном багаже имеется опыт выделения пособничества отдельным видам преступлений в самостоятельные нормы Особенной части Уголовного кодекса. Так, содействие контрреволюционной организации приравнивалось к участию в ней (ст. 61 УК РСФСР 1922 г.), а пособничество бандам и их укрывательство каралось наравне с организацией банд и участием в них (ч. 2 ст. 76 УК 1922 г., ч. 2 ст. 59⁴ УК 1926 г.). Устанавливая пособникам такое же наказание, как и исполнителям, закон, тем не менее, предусматривал возможность понижения наказания пособникам до двух лет лишения свободы. Кстати, уголовное законодательство ряда стран предусматривает обязательное (например, ч. 1 ст. 27 УК КНР, ч. 2 ст. 32 Республики Корея, ст. 63 УК Японии) или факультативное (например, абз. 2 § 27 Уголовного уложения ФРГ, § 2 ст. 19 УК Польши, § 23 УК (Дании) смягчение наказания пособнику.

В-третьих, действующая редакция ст. 205¹ УК порождает неизбежную конкуренцию между её частью 3 и частью 1, которая предусматривает (в частности) пособничество совершению террористического акта в формах подготовки или вооружения исполнителя либо финансирования этого акта, что ставит перед судьями весьма трудную задачу разграничить виды пособничества и обосновать различие в степени их общественной опасности.

Включение в УК РФ ст. 205 стало лишь первым ударом по принципу более снисходительного отношения к пособнику, чем к иным соучастникам преступления. Второй удар по этому принципу нанесло дополнение УК РФ статьей 291¹.

Состав посредничества во взяточничестве был включён в Уголовный кодекс РСФСР (ст. 174¹) в 1962 г., но в УК РФ ему не нашлось места, поэтому посредничество во взяточничестве стало квалифицироваться как соучастие либо в получении, либо в даче взятки. Но после 15 лет такой практики было решено возвратиться к почти забытому составу посредничества во взяточничестве. Это, конечно, право законодателя. Но легальное решение должно быть корректным, а этого в составе посредничества во взяточничестве мы не наблюдаем, поскольку включение ст. 291¹ в УК РФ было осуществлено законом от 04.05.2011 г. № 97-ФЗ с нарушением требования системности уголовного закона.

Во-первых, криминализовав посредничество во взяточничестве, законодатель не сделал того же применительно к такому коррупционному преступлению, как коммерческий подкуп (этот пробел был восполнен только через 5 лет законом от 03.07.2016 № 324-ФЗ).

Во-вторых, при значительном размере взятки посредничество во взяточничестве (ч. 1 ст. 291¹ УК РФ) почему-то наказывалось строже (до 5 лет лишения свободы), чем собственно дача взятки (ч. 2 ст. 291 УК РФ – до 3 лет). Этот дисбаланс

был ликвидирован только через 5 лет упомянутым законом № 324, повысившим верхний предел дачи взятки в значительном размере до 5 лет и понизившим предел наказания за посредничество до 4 лет.

В-третьих, при крупном размере взятки посредничество во взяточничестве (как и получение взятки) наказывалось лишением свободы на срок от 7 до 12 лет (п. «б» ч. 3 ст. 291¹ УК РФ), тогда как дача взятки – лишением свободы на срок от 5 до 10 лет (п. «б» ч. 4 ст. 291 УК РФ). Эта ошибочная оценка трёх смежных составов была исправлена только законом № 324, приравнявшим наказание за дачу взятки к наказанию за её получение и снизившим наказание за посредничество (от 5 до 10 лет лишения свободы).

В-четвертых, обещание или предложение посредничества во взяточничестве (независимо от наличия или отсутствия квалифицирующих признаков) наказывалось лишением свободы на срок до 7 лет, тогда как реальное посредничество при отсутствии квалифицирующих признаков вообще не наказуемо, а при значительном размере взятки наказывается лишением свободы максимум на 4 года (в первоначальной редакции – до 5 лет). Такая «дифференциация» наказания указывает на то, что законодатель совершенно запутался в оценке степени опасности посредничества во взяточничестве, как и в оценке его обещания или предложения, по сравнению с опасностью дачи или получения взятки [см.: 5; 12].

Большие сомнения вызывает редакция статьи 205³ УК.

Во-первых, непонятно, на каком основании действия, которые по своей сути являются приготовлением к совершению преступлений террористического характера, признаются самостоятельным окончанным преступлением.

Во-вторых, совершенно необъяснимо, почему приготовление к этим преступлениям законодатель считает гораздо более опасным (наказание – вплоть до пожизненного лишения свободы), чем сами подготавливаемые преступления.

В-третьих, вряд ли можно обосновать установление уголовной ответственности за прохождение обучения потенциальными террористами при отсутствии уголовной ответственности за организацию такого обучения. Ведь не мог же законодатель иметь в виду такую ответственность за «подготовку лица» к совершению террористического преступления в ч. 1 ст. 205¹ УК с несопоставимо мягкой в сравнении со ст. 205³ УК санкцией!

Одним из видов законодательных ошибок является непродуманное включение квалифицирующих признаков. Примерами могут служить:

- придание квалифицирующего значения применению огнестрельного оружия при совершении теракта (исключен только в 2008 г.);

- придание умышленному причинению смерти человека статуса особо квалифицирующего признака захвата заложника (ч. 4 ст. 206), террористического акта (п. «б» ч. 3 ст. 205) и диверсии (ч. 3 ст. 281 УК), реализованное законом от 28 декабря 2008 г. № 321-ФЗ.

Во-первых, последняя новелла не соответствует конституционной оценке жизни человека, которая является высшей ценностью (ст. 2, ч. 1 ст. 20 Конституции РФ) и не может лишь попутно охраняться нормами, устанавливающими ответственность за менее опасные преступления, чем убийство.

Во-вторых, оно влечёт за собой сомнительную правоприменительную практику. В постановлении от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» Пленум Верховного Суда РФ разъяснил судам, что «в случае, если террористический акт повлек умышленное причинение смерти человеку (либо двум или и более лицам), содеянное охватывается пунктом «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ и дополнительной квалификации по ст. 105 УК РФ не требует». При такой постановке вопроса без уголовно-правовой оценки остаются многие квалифицирующие признаки, предусмотренные частью 2 ст. 105 УК РФ [см. об этом также: 6, с. 105; 9].

В-третьих, квалификация убийства (в том числе многих лиц) при террористическом акте лишь по ст. 205 УК исключает применение смертной казни, предусмотренной (хотя в современных условиях – только формально) частью 2 ст. 105 УК*. Да и лишение свободы может быть назначено только в пределах санкции части 3 ст. 205 УК, т.е. до 20 лет, тогда как по совокупности части 2 ст. 105 и, например, части 2 ст. 205 УК оно может составить до 30 лет.

Вызывает также сомнение обоснованность включения в число квалифицирующих признаков неосторожного причинения смерти человека (п. «в» ч. 2 ст. 205 УК).

Во-первых, весьма странной представляется позиция законодателя, воспринимающего указанное последствие как нетипичное, а поэтому выходящее за рамки основного состава террористического акта.

Во-вторых, с трудом представляется ситуация, в которой лицо, совершая с прямым умыслом террористический акт, к его последствиям в виде гибели людей относился бы неосторожно [см.: 8].

В-третьих, не поддается логическому объяснению то обстоятельство, что с неосторожным причинением последствий (пусть даже особо тяжких) законодатель связывал резкое усиление наказания (по первоначальной версии – ч. 3 ст. 205 УК – до пожизненного лишения свободы). Правда, Федеральным законом от 30 декабря 2008 г. рассматриваемый признак из особо квалифицирующего стал просто квалифицирующим, и теперь преступление с такими последствиями наказывается лишением свободы не пожизненно, а на срок от 10 до 20 лет. Однако и в такой трактовке включение в число квалифицирующих признаков причинения смерти по неосторожности сомнений вовсе не рассеяло.

* На это учёные уже обращали внимание [см., например: 15, с. 440; 11, с. 18; 16, с. 17].

К числу законотворческих ошибок относится нарушение системности в формулировках примечаний к статьям Уголовного кодекса.

Так, довольно странным является отсутствие в ст. 127 УК поощрительного примечания, тогда как в других статьях УК о преступлениях, связанных с посягательством на личную свободу (126, 127¹, 206) такие примечания имеются.

Весьма сомнительным является ограничение сферы применения освобождения от уголовной ответственности при добровольном освобождении потерпевшего, как это указано в статье УК о торговле людьми, тогда как при похищении человека и захвате заложника такие ограничения не установлены.

Ещё более удивительным было установление законом от 24.07.2007 г. № 211-ФЗ тождественных примечаний к статьям 282¹ и 282² УК.

Эти нормы появились в УК РФ в 2002 г. В примечании к ст. 282² УК освобождение от уголовной ответственности связывалось с вступлением в законную силу судебного решения о ликвидации экстремистской организации или о запрете её деятельности. Это было вполне обосновано, ибо до судебного решения организация не считалась экстремистской. Но ст. 282¹ УК предусматривала принципиально другую ситуацию: экстремистское сообщество по закону являлось преступным с самого момента создания, и для установления его преступного характера не требовалось никакого судебного решения. Поэтому примечание к этой норме предусматривало освобождение от уголовной ответственности лица, добровольно прекратившего участие в экстремистском сообществе, если в его действиях не содержится состава иного преступления. Однако закон от 24.07.2007 г. изложил содержание примечания 1 к ст. 282¹ УК точно так же, как и в примечании к ст. 282² УК, что сделало его принципиально неисполнимым. И только через 7 лет эта ошибка была исправлена законом от 28.09.2014 г. № 179-ФЗ, который вернулся к первоначальной редакции примечания к ст. 282¹ УК.

Наиболее распространены законотворческие ошибки в санкциях норм Особенной части УК РФ.

Некоторые из таких ошибок носят уголовно-политический характер, например, снятие законом от 07.03.2011 г. № 26-ФЗ минимума лишения свободы в санкциях многих норм о преступлениях средней тяжести, тяжких и особо тяжких. После этого формально законным стало назначение, скажем, за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего, наказания в виде лишения свободы как на 2 месяца, так и на 15 лет. Такое законодательное решение не только противоречит идеям деления преступлений на категории и дифференциации уголовной ответственности, но и содержит явный коррупциогенный потенциал. Несмотря на жёсткую негативную реакцию научного и правоприменительного сообщества, законодатель до сих пор не отступает от своей сомнительной в этом вопросе позиции.

Другие ошибки законодателя в санкциях носят системный характер.

Так, формулируя санкции норм Особенной части УК, законодатель обязан не только устанавливать перечень видов наказания, но и определять их сроки или размеры в точном соответствии с положениями Общей части УК, регламентирующими систему наказаний. Вопреки этому требованию законом от 08.12.2003 г. № 162-ФЗ в санкцию ч. 1 ст. 241 УК было включено наказание в виде ограничения свободы на срок *до пяти* лет. Это противоречило ст. 53 УК, в соответствии с которой наказание в виде ограничения свободы за умышленное преступление не могло превышать *трёх* лет. Поэтому Федеральным законом от 21.07.2004 г. отмеченная законодательная ошибка была исправлена, и верхний предел ограничения свободы в ч. 1 ст. 241 УК был снижен до трёх лет.

Примером системной ошибки может служить и санкция ч. 3 ст. 281 УК, в которой вопреки положениям ст. 57 УК установлено наказание в виде пожизненного лишения свободы.

К этому же виду ошибки можно отнести и несбалансированные санкции частей 1 и 2 статьи 173¹ УК: основной состав преступления влечёт наказание в виде принудительных работ (наряду со штрафом и лишением свободы), а квалифицированный – обязательные работы (также наряду со штрафом и лишением свободы).

Самой распространенной системной ошибкой в санкциях является недопустимое установление наказания в виде принудительных работ либо установление недопустимых размеров этого наказания.

Принудительные работы – это альтернативный вид наказания (ч. 1 ст. 53¹ УК). В соответствии с законом (ч. 2 ст. 53¹ УК) он не может назначаться как самостоятельный вид наказания, а применяется вместо назначенного наказания в виде лишения свободы, если суд придёт к убеждению, что исправление осуждённого возможно без реального отбывания наказания в местах лишения свободы*. В этом случае продолжительность принудительных работ равняется (и это принципиально важно!) назначенному сроку лишения свободы. Значит, она ни при каких обстоятельствах не может превышать назначенного судом срока лишения свободы. Между тем, установленный в статье 53¹ УК порядок применения принудительных работ самим же законодателем часто нарушается.

Игнорируя юридическую природу принудительных работ как альтернативного вида наказания, законодатель включает их в те санкции, которые вообще не предусматривают лишения свободы (например, части первые всех статей УК о специальных видах мошенничества, ч. 1 и ч. 2 ст. 200¹ УК), либо устанавливают возмож-

* К рассматриваемому вопросу не имеет отношения возможность применения принудительных работ в порядке замены обязательных (ч. 3 ст. 49 УК) либо исправительных (ч. 4 ст. 50 УК) работ в случае злостного уклонения от их отбывания, а также замены лишения свободы принудительными работами на основании ст. 80 УК.

ность применения принудительных работ на срок, превышающий максимально возможный срок лишения свободы (например, ч. 2 ст. 121, ч. 1 ст. 135, ч. 1 ст. 145¹, ст. 172 УК).

Наряду с уголовно-политическими и системными ошибками в санкциях встречаются и технические ошибки, т.е. откровенные «ляпы».

Так, пресловутым законом от 08.12.2003 г., изменившим (в том числе) и многие санкции, в ч. 1 ст. 165 УК (основной состав) было установлено наказание вплоть до 6 лет, в ч. 2 той же статьи (квалифицированный состав) – до 3 лет, а в ч. 3 – до 5 лет лишения свободы. Эта несуразица была ликвидирована законом от 21.07.2004 г. № 73-ФЗ.

Закон от 25.12.2008 г. № 280-ФЗ, внося изменения в целый ряд санкций, установил, что деяние, предусмотренное частью 2 ст. 201 УК, может быть наказано «штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осуждённого за период до пяти лет *или без такового*». Даже студенту-юристу хорошо известно, что формулировка «или без такового» относима исключительно к дополнительным видам наказания. После этого в санкцию ч. 2 ст. 201 УК изменения вносились дважды: законами от 27.12.2009 г. № 377-ФЗ и от 07.12. 2011 г. № 420-ФЗ, однако отмеченный очевидный законодательный брак до сих пор не исправлен.

В связи с проблемой законодательных ошибок с ностальгией вспоминается советское законодательство второй половины прошлого столетия. Оно было более стабильно, а правовые нормы были более обоснованы теоретически и совершенны с точки зрения юридической техники. Единообразное их применение гарантировалось правом Президиума Верховного Совета СССР (и соответственно – Президиумами Верховных Советов Союзных Республик) давать официальное толкование закона, а также правом Верховного Суда СССР (и соответственно – Верховных Судов Союзных Республик) давать разъяснения, которые по закону являлись руководящими. В постсоветский период сложилась иная ситуация: Конституция Российской Федерации не предоставила ни одному органу власти права давать официальное толкование закона, а разъяснения Верховного Суда по вопросам судебной практики лишила свойства руководящих. Поэтому сомнения относительно смысла той или иной нормы, которые возникают довольно часто, не могут быть разрешены ни на одном официальном уровне, что приводит к разногласиям в теории права и к отсутствию единообразия в практическом применении закона.

Список литературы

1. Бернер, А. Ф. Учебник уголовного права. Т. 1 : Часть Общая / А. Ф. Бернер. – СПб. : Тип. Н. Тиблена и комп., 1865. – 941 с.
2. Борисов, С. В. К вопросу о криминологической основе состава преступления в виде пособничества в совершении террористического акта // Криминологические основы уголовного права : материалы X Российского конгресса уголовного права. – М., 2016. – С. 285–288.
3. Бурчак, Ф. Г. Учение о соучастии по советскому уголовному праву / Ф. Г. Бурчак. – Киев : Наукова думка, 1969. – 216 с.
4. Грачева, Ю. В. Оценка пределов судейского усмотрения в нормах о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы X Международной научно-практической конференции. – М., 2013. – С. 176–178.
5. Грошев, А. В. Антикоррупционные новеллы уголовного законодательства Российской Федерации (критический анализ) // Современные проблемы уголовной политики. Т. 2. – Краснодар, 2011. – С. 104–106.
6. Кадников, Н. Г. О проблемах ответственности за преступления террористической направленности / Н. Г. Кадников, М. М. Дайшутов // Общество и право. 2016. № 2 (56). С. 104–107.
7. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 9 августа 2012 г. № 48-О12-65 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vsrfr.ru/stor_pdf.php?id=500484.
8. Меркурьев, В. В. К вопросу о квалификации некоторых преступлений, посягающих на общественную безопасность и общественный порядок / В. В. Меркурьев, Н. Г. Кадников // Вестник Моск. ун-та МВД России. – 2002. – № 3. – С. 182–187.
9. Некрасова, А. А. Проблемы систематизации уголовно-правового регулирования специальных видов прикосновенности и соучастия в преступлениях террористического характера // Общество и право. – 2016. – № 4 (58). – С. 69–71.
10. Рарог, А. И. «Работа над ошибками» – обязанность законодателя // Государство и право. – 2014. – № 4. – С. 65–73.
11. Российское уголовное право. Общая и Особенная части : в 3-х т. Т. 3 / под ред. Н. А. Лопашенко. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Юрлитинформ, 2014. – 664 с.
12. Савенко, И. А. Изменения в законодательстве по преступлениям коррупционной направленности // Современные проблемы уголовной политики. Т. 2. – Краснодар, 2011. – С. 116.
13. Серебряков, А. В. Содействие террористической деятельности: проблемы квалификации и соотношение со смежными составами преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. В. Серебряков. – Краснодар, 2012. – 28 с.

14. Тельнов, П. Ф. Ответственность за соучастие в преступлении / П. Ф. Тельнов. – М. : Юрид. лит., 1974. – 208 с.
15. Уголовное право России. Особенная часть / под ред. И. Э. Звечаровского. – М. : ИНФРА-М, 2010. – 986 с.
16. Уголовное право России. Особенная часть. Т. 2 / под ред. О. С. Капинус. – М. : Юрайт, 2015. – 539 с.
17. Шаргородский, М. Д. Вина и наказание в советском уголовном праве / М. Д. Шаргородский. – М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1945. – 56 с.

References

1. Berner A. F. *Uchebnik ugovnogo prava. Tom 1: Chast' Obshchaya* [Textbook of criminal law. Vol. 1. Part of the General]. St-Petersburg: Tipogr. N. Tiblena and company, 1865. 941 p.
2. Borisov S. V. K voprosu o kriminologicheskoi osnove sostava prestupleniya v vide posobnichestva v sovershenii terroristicheskogo akta [On the question of the criminological basis of the composition of the crime in the form of complicity in the commission of a terrorist act]. *Kriminologicheskie osnovy ugovnogo prava: materialy X Rossiiskogo kongressa ugovnogo prava* [Criminological basis of criminal law. Materials of the X Russian Congress of Criminal Law]. Moscow, 2016, pp. 285–288.
3. Burchak F. G. *Uchenie o souchastii po sovetskomu ugovnomu pravu* [The doctrine of complicity in the Soviet criminal law]. Kiev: Naukova dumka Publ., 1969. 216 p.
4. Gracheva Yu. V. Otsenka predelov sudeiskogo usmotreniya v normakh o zamene neotbytoi chasti nakazaniya bolee myagkim vidom nakazaniya [Assessment of the limits of judicial discretion in the rules on the replacement of the unserved part of the punishment with a milder type of punishment]. *Ugovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke: materialy X Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Criminal Law: Development Strategy in the XXI Century. Proceedings of the X International Scientific Practical Conference]. Moscow, 2013, pp. 176–178.
5. Groshev A. V. Antikorrupsionnye novelly ugovnogo zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii (kriticheskii analiz) [Anti-corruption novels of the criminal legislation of the Russian Federation (critical analysis)]. *Sovremennye problemy ugovnoi politiki* [Modern problems of criminal policy]. Vol. 2. Krasnodar, 2011, pp. 104–106.
6. Kadnikov N. G., Daishutov M. M. O problemakh otvetstvennosti za prestupleniya terroristicheskoi napravlenosti [On the problems of responsibility for crimes of a terrorist nature]. *Obshchestvo i pravo*, 2016, no. 2 (56), pp. 104–107.
7. Cassation definition of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of August 9, 2012 No. 48-O12-65. Available at: http://www.vsrp.ru/stor_pdf.php?id=500484 (accessed 17 June 2019). (In Russian).

8. Merkur'ev V. V., Kadnikov N. G. K voprosu o kvalifikatsii nekotorykh prestuplenii, posyagayushchikh na obshchestvennuyu bezopasnost' i obshchestvennyi poryadok [On the issue of the qualification of some crimes that encroach on public safety and public order]. *Vestnik Mosk. universiteta MVD Rossii*, 2002, no. 3, pp. 182–187.
9. Nekrasova A. A. Problemy sistematizatsii ugovolno-pravovogo regulirovaniya spetsial'nykh vidov prikosnovennosti i souchastiya v prestupleniyakh terroristicheskogo kharaktera [Problems of systematization of criminal law regulation of special types of implication and complicity in crimes of a terrorist nature]. *Obshchestvo i parvo*, 2016, no. 4 (58), pp. 69–71.
10. Rarog A. I. «Rabota nad oshibkami» – obyazannost' zakonodatelya [«Work on mistakes» is the duty of the legislator]. *Gosudarstvo i pravo*, 2014, no. 4, pp. 65–73.
11. Lopashenko N. A., ed. *Rossiiskoe ugovolnoe pravo. Obshchaya i Osobennaya chasti* [Russian criminal law. General and Special parts]. Vol. 3. 2nd ed., rev. and add. Moscow: Yurlitinform Publ., 2014. 664 p.
12. Savenko I. A. Izmeneniya v zakonodatel'stve po prestupleniyam korruptsionnoi napravlenosti [Changes in legislation on crimes of a corruption nature]. *Sovremennye problemy ugovolnoi politiki* [Current problems of criminal policy]. Vol. 2. Krasnodar, 2011, p. 116.
13. Serebryakov A. V. *Sodeistvie terroristicheskoi deyatel'nosti: problemy kvalifikatsii i sootnoshenie so smezhnymi sostavami prestuplenii* [Assistance to terrorist activities: problems of qualification and correlation with related offenses]. Dis. Cand. Legal Sci. Krasnodar, 2012. 28 p.
14. Tel'nov P. F. *Otvetstvennost' za souchastie v prestuplenii* [Responsibility for complicity in crime]. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ., 1974. 208 p.
15. Zvecharovskii I. D., ed. *Ugovolnoe pravo Rossii. Osobennaya chast'* [Criminal law of Russia. Special part]. Moscow: INFRA-M Publ., 2010. 986 p.
16. Kapinus O. S., ed. *Ugovolnoe pravo Rossii. Osobennaya chast'* [Criminal law of Russia. The special part]. Vol 2. Moscow: Yurait Publ., 2015. 539 p.
17. Shargorodsky M. D. *Vina i nakazanie v sovetskom ugovolnom prave* [Guilt and punishment in the Soviet criminal law]. Moscow: Yuridicheskoe izdatel'stvo NKYu USSR, 1945. 56 p.